

Черный огонь <Некрасов>

<...> несчастье. Оно бывает таковым всегда, когда за ним не стоит большого ума.

Что такое речи Церетели¹? Это прямые линии, прямые строки, всё главные предложения, не сопровождаемые никакими придаточными предложениями, где были бы оговорки, условия, где были бы указаны причины и были бы предвидены последствия. Церетели — гимназист или студент, говорящий на государственные и исторические темы. Но от того именно, единственно оттого, что он такой неудержимый гимназист, речи его ярко убедительны и совершенно вразумительны рабочим и солдатам.

«Говорит, как пишет». Но говорит-то он все «буки» и «аз», за которыми слушатели его повторяют: «ба», и совершенно счастливы, что вышел какой-то звук. «Вождь нам говорит ба — значит мы бастуем». Это совершенно кратко, но это совершенно не государственно.

Церетели сейчас упадет, едва я произнесу одно слово. Он упадет не в наших глазах, а в собственных глазах. Он сядет на место или, еще лучше, спрячется под стол, — как горошинка-республика.

Вот это слово: —

Некрасов.

Николай Алексеевич Некрасов, наш народный поэт, умерший — и так тоскливо умиравший — в 1876 г. Помните его тоскливые прекрасные песни:

...

За заставой, в харчевне убогой,
Все пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застунут...

.....

Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал.
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
Стонет он под овинком, под стогом,
Под телегой ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету Божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.

.....
 Волга! Волга! весной многоводной
 Ты не так заливаешь поля,
 Как великою скорбью народной
 Переполнилась наша земля —
 — Эх, сердечный!
 Что же значит твой стон бесконечный?
 Ты проснешься ль, исполненный сил?²

Вот она, полная русская революция. Весь очерк ее, от 1876 г. и до 1917 г. И вот, окинув глазом всю Русь, все народы, ее населяющие, спросим, воззовем:

- Церетели? — Или же:
- Некрасов?
- Кого выбираете? За кем идете?

Может ли быть какое-либо сомнение, что все кинутся за Некрасовым, кинутся с воплем:

— Вот кто нас освободил, вот кто был нашим вождем, вот за кем мы поднялись во всем громадном очерке судеб и истории. Мы поднялись уже с 60-х годов истории: а эпизод февральских и мартовских дней, это самовозгорание трех проволок народного электричества — совершенная мелочь и случай.

И между тем Церетели назвал грубо мавром, «ненужным более мавром», не одних депутатов четырех Дум, а и Некрасова, без коего несомненно никаких бы Дум не было, никакого конституционализма бы не было.

Русскую свободу, и рабочим и солдатам, больше всего принес Некрасов. Как же можно бросать в лицо солдатам слово, что Некрасова больше не нужно? А этот смысл имело слово Церетели. Каким образом мог так Церетели говорить? Почему это он мог сказать? Да потому, что он прекрасный грузин, и о русской истории и о тоске русских песен — об их особенной тоске и особенной глубине — знает только из третьих рук, понаслышке, насколько песни Некрасова долетели и до Грузии. Мы же знаем их родным ухом, родным сердцем. И для нас Некрасов вовсе не то, что постановление какого-то Циммервальдского съезда социалистов³, о котором там, приблизительно, «начихать». Несчастье и болезнь русской революции заключается в том, что задуманная русским умом и русским сердцем (Некрасов, Салтыков, Михайловский), совершенная русскими руками (4-я Госуд. Дума, рабочие и солдаты) и при русском риске головою, — она, в хвосте своем, в результате своем, попала в космополитическое обладание вовсе не русских людей, а инородцев по крови или инородцев по идее (марксизм). Мы разломали

«парадный подъезд» власти и ввели избу во дворец. Это русское дело, русская история. Вдруг зрелище меняется: на месте русских людей очутились космополиты, которые нам громко заявляют, что революция спасет не русский народ, не русское дело, — а должна преследовать всемирное дело, задачи и темы всемирного пролетариата (неосторожные части речи кн. Львова⁴, ссылки на нее кн. Церетели). Что она должна быть каким-то княжеским делом, царственным делом, мечтательным делом, а не делом русского крестьянства, русского рабочего.

В бурных и вместе скромных замыслах Некрасова, Салтыкова, Михайловского, тоже в скромных замыслах 4-й Думы и всех четырех Дум она носила всегдашние черты русской непритязательности, русской тихости, русского своевольного, своежелательного самоограничения. «Нам нужно совершить свое русское дело, освободиться от своих тиранов, — от разбойника, напавшего на дороге».

Это — право. Тут закон, тут нравственность.

Вдруг ее переводят в хвастовство. «Нет, что, это мало. — Мы спасем весь мир». Орудие такого перевода — мечта, мечтательность. Мечтательность внутренне, а снаружи хвастовство.

Вопрос спасения для русской революции заключается именно в русском здравомыслии, в русском здравом смысле. Если она удержится в своей тихости, в своем самоограничении, Россия освободится от Романовых и для русских настанет действительно золотой сон Русской Великой Общины, Русского народного Великодержавия. Сбудутся сны Некрасова и всей золотой русской литературы.

Победит ли здравый смысл? — вот в чем вопрос.

Но уже сделан, к несчастью, сделан, второй шаг анархии. Принцип анархии, допустимый и абсолютно необходимый, заключается в том, чтобы совершить один анархический шаг, — именно для спасения бытия своего. — Бытие, продление жизни, есть единственная такая ценность, ради которой дозволен анархический шаг.

И — больше ни для чего. Ни в каком случае он недопустим для мечты, для расширения бытия своего. Как и в войне: она допустима для защиты, и она недопустима для завоевания. Первая же завоевательная война переходит в беспредельную хронику войн. В них гибнут Наполеон и Тамерлан, ничего в сущности «не завоевав», не завоевав «в конце концов». В анархии то же самое. Второй анархический шаг, как только он допущен, переводит всю страну в анархическое состояние, которое доходит до естественной могилы своей — диктатуры. Жизнь спасает себя; бытие спасает себя. «Нужно жить»: и наступает покой.

Совет рабочих депутатов, без всякой нужды, без всякой необходимости, без всякого с чьей либо стороны уполномочия — и не спасая решительно ничего для России, — грубо, жестко и хвастливо пошел

против Временного правительства. Этим он открыл эру анархии, и не ему на нее жаловаться. А он жалуется, и уже «Известия Совета Рабочих Депутатов» выпустили первую статью против анархистов, но кто же будет его теперь слушаться, когда он сам не слушался? Кто будет исполнять его мечту, когда он сам ради своей мечтательности не постеснялся принести ей в жертву нужду русского народа?

Никто не будет слушаться. Мы уже состоим в положении анархии. Третий шаг, который сделает наша, увы, мечтательная революция, — есть шаг к диктатуре. И неужели для нее ждать тоже только два месяца? Появится какой-то третий, уже совершенно черный мавр, который скажет те же слова Церетели и Совету Рабочих и Солдатских Депутатов, какие Церетели сказал о четырех Думах, сказал, в сущности, о Некрасове, о всей золотой русской литературе.

— Мавр, ты сделал свое дело. Ты больше не нужен и уходи вон.

Будет ли этим мавром германец в Петрограде, будет ли этим мавром Ленин, будет ли им, наконец, какая-нибудь очень темная личность, засевшая в самом Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, похитрее Церетели, Чхеидзе и Скобелева⁵, — мы не знаем. Но можно сказать по-итальянски: *Revolutio annunciata era*, — революция была зачата; *Revolutio finita est* — революция окончилась.

— Эй, капрал, кто же ты? Черный, страшный капрал. Бери скорей палку и разгоняй скорей всех вон. Ибо мы свободу сделали, но мы свободы не заслужили.

По-видимому, мы не дождемся Учредительного Собрания. Ибо роль Учредительного Собрания уже захвачена «не зваными и не избранными». Это — Совет Рабочих Депутатов, — и не он в сущности. Ведь по естественной темноте рабочей массы и солдатской массы, ограничивающей его совершенно неодолимо, [Совет] повинуетя двум-трем лицам, коих московская печать уже называет «тиранами». Дело вовсе и не в «классовой борьбе», не в «классовой победе». Дело в «победе» фантазии и произвола отдельных немногих лиц, которые приняли на себя задачу руководить историею, руководить Россией, хотя сами они ростом не более Шлиссельбургской республики.

